

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

Тополіная рубашка

Повесть

Москва
«Лабиринт Пресс»
2019

Художник Евгения Стерлигова

РЕКВИЕМ

Реквием — это песня печали и памяти. Её посвящают тем, кого уже нет. Людям, которых любили. Но этот реквием — не о человеке. Он о старом тополе, который был для меня живым, как человек, и любимым, как человек.

Да разве только для меня!

Тополь рос на углу улиц Дзержинского и Герцена, во дворе, где прошло моё детство. Он был самый большой в городе. Сейчас это трудно доказать: у деревьев не бывает документов. Но в те времена все ребята и взрослые знали точно: он самый высокий и самый старый.

Мой дядюшка — дядя Боря, — который живёт в Тюмени много-много лет, однажды прислал мне свои стихи о тополе. А к ним приложил небольшую историческую справку: «Впервые этот тополь я увидел в 1937 году, он был таким же, как теперь. А наша соседка Анна Васильевна рассказывала, что домику, где мы поселились, восемьдесят лет, а когда его строили, тополь уже стоял...»

В стихах, посвящённых тополю, дядюшка писал об этом же:

Владислав Крапивин. Тополиная рубашка

Ты в минувшем веке родился
И шумишь весь двадцатый наш век,
И с грядущим веком сроднишься,
Коль не сгубит тебя человек.

Опасения дяди Бори оказались не напрасными. Люди срезали тополь...

Я давно уже знал, что приземистого флигеля, куда меня принесли из роддома, больше нет. И что двухэтажный угловой дом, где жили друзья моего детства, тоже снесли. Да и всего квартала, где шла наша мальчишечья жизнь с деревянными мечами, футболом, воздушными змеями и парусными эскадрами в синих лужах, больше нет.

Ну ладно. Мы теперь взрослые люди и понимаем, что жизнь идёт и обветшалые домики должны уступать места новым зданиям. И я, хотя и с печалью, но и с пониманием тоже узнал, что на месте нашего флигеля теперь стоянка автомашин, а за ней, на месте старой пекарни (от которой по утрам так дразняще пахло свежими булками), стоит многоэтажное административное здание.

Но тополь-то кому помешал?

Или показалось, что нарушает он гармонию административного ансамбля?

Или испугались, что летом весёлый тополиный пух будет залетать в окна кабинетов и легкомысленно оседать на страницах важных деловых бумаг? И спилили...

А ведь он был живой, наш тополь. И он был родной нам.

В своих нехитрых стихах дядя Боря написал:

Жизнь ребячья здесь весело мчалась
Чистым, звонким, как медь, ручейком.
Только память о ней осталась
Под зелёным и шумным шатром...

Даже не верится, что этого шатра больше нет.

РЕКВИЕМ

Тополь осенял наше детство. Может быть, это звучит слишком романтично и старомодно, только иначе не скажешь. Именно осенял. Да и не только наше. Сколько мальчишек и девчонок выросло под ним — и в прошлом веке, и в нашем, двадцатом. Вырастали, нянчили и учили жить своих детей. Уходили воевать, и случалось, что возвращались. Мне кажется, тополь помнил всех. Всех, кто, сцепившись друг с другом руками, пытался обхватить внизу необъятный ствол. Всех, кто прижимался лбом к бугристой коре и, зажмурившись и нетерпеливо переступая исцарапанными ногами, тараторил:

Раз-два-три-четыре-пять.
Я иду искать.
Кого первого найду —
В тёмный терем отведу.

Тополь помнил всех, кто ссаживал на коленях кожу, пытаясь добраться хотя бы до первой развилки. Всех, кто, окончив школу, вбегал во двор и радостно лупил по стволу ненужным теперь портфелем.

И тех, кто жил здесь всегда, и тех, кого заносили в наш сибирский город ветры военных эвакуаций...

Тополь не обижался ни на ребят, ни на взрослых. Не обижался, когда по нему били тугими мячами, когда вырезали на его коре инициалы и сердца со стрелами, когда стреляли в него из пугачей. Не обиделся на соседку Василису Тимофеевну, когда она вбила в ствол железный штырь, чтобы привязывать бельевую верёвку. Не обиделся, когда в него кузовом впилил грузовик с дровами соседа Ивана Георгиевича. Был наш тополь незыблемый и вечный, как гранитная скала. Что ему какие-то царапины...

Он щедро кидал свою тень на двор, заросший по краям лебедой, крапивой и лопухами, на длинное трёхступенчатое крыльцо, где мы любили играть в лото, в фантики или просто сидеть и рассуждать о жизни. (Крыльцо всегда пахло вымытыми досками, а сквозь щели нижней ступеньки прорастали одуванчики.) Иногда мы засиживались на крыльце до позднего вечера. Листва

Владислав Крапивин. Тополиная рубашка

делалась чёрной, и сквозь неё мерцали живые беспокойные звёзды. Сквозь неё или просто среди листьев? Ведь тополь был до неба!

В годы моего детства было у ребят такое выражение: «До неба!» Это значит что-то очень большое. Больше всего на свете: «У меня знаешь сколько фантиков? Целая тыща!», «Подумаешь! А у меня вообще до неба!», «Мама, я тебя знаешь как люблю! Вот так, до неба!».

Тополь наш тоже был «до неба».

И он связан был с небом, с высотой, с полётами. Сколько стрел из наших луков затерялось в его чаще и не вернулось на землю! Сколько воздушных змеев запуталось и навсегда сгнуло в его листе... Но мы не обижались на тополь, так же как он не обижался на нас.

Несколько раз ночные июльские грозы, белые от электрических вспышек и оглушительные (сейчас, по-моему, таких и не бывает), обрушивали на тополь молнии и шквалы. И тогда он с грохотом ронял на крышу нашего флигеля громадные горизонтальные ветви. Да что там ветви — целые деревья! Они пробивали кровельные листы, а крыльцо и двор буквально заваливали сучьями с мокрой зеленоватой корой и блестящими от дождя листьями.

Но тополь ничуть не становился меньше, его крона несколько не редела. Я думаю, что свои упавшие ветви тополь с доброй усмешкой просто дарил нам. Утром выскакивали мы в сверкающий от солнца и луж двор, ныряли в прохладный воздух, который состоял из свежести и запаха тополиных листьев, вымытых дождевой водой. Холодные листья прилипали к лицу и голым локтям, когда мы стаскивали исполинские сучья к забору.

Из этих сучьев и ветвей мы строили большущий шалаш. Внутри шалаша было как в тополиной роще. Солнце среди листьев зажигалось белыми звёздами с такими сверкающими и острыми лучами, что, казалось, они покалывали кожу. А тополиный запах заполнял весь мир. И вся наша жизнь делалась радостной, беззаботной, бесстрашной, потому что мы сливались

РЕКВИЕМ

с этой свежестью, с этим запахом листьев и солнечными звёздами. словно кровь наша перемешивалась с тополиным соком.

А может, и правда перемешивалась? И капелька этого сока осталась в крови до сих пор?

Когда уже не было старых наших домов и улица стала совсем другой, а тополь всё ещё стоял, он казался мне издали — из других городов, из взрослой моей жизни — надёжным береговым ориентиром. Он словно возвышался на берегу моря, у самой воды, и можно было подплыть и привязать к стволу свою лодку. Я надеялся, что когда-нибудь так и сделаю. Подойду к тополи, прислонюсь лбом к бугристой коре, закрою глаза и на миг представлю, что всё вокруг — как прежде. Услышу голоса друзей-мальчишек, смех, скороговорку считалки и патефонную песню «Любимый город» из распахнутого окна второго этажа. Это будет совсем недолго. Долго и не надо. Из взрослой жизни не уйдёшь, да и нечестно это было бы — убежать от своих дел и забот. Но короткий миг возвращения в детство нужен каждому. Такая вот отчётливая вспышка памяти о том, что было, и о тех, кто был. Без такой памяти трудно быть большим. И каждому настоящему взрослому, по-моему, нужен такой тополь у знакомой пристани, к которому иногда можно привязать свою лодку...

Я утешаю себя тем, что, хотя тополя нет, в памяти моей он стоит всегда. Но всё-таки до боли обидно, что его сгубили.

Интересно, как с ним справились эти равнодушные дядьки с пилами и топорами? Наверно, пилили по частям. Иначе, рухнув, тополь мог бы разгромить наш флигель... Ах да, флигеля уже не было. А блестящие «Волги» и «Москвичи» с автоплощадки, конечно, вовремя увели, дело нехитрое...

Наверно, к моей крови и в самом деле примешалась капелька тополиного сока. Поэтому каждый год цветение тополей я встречаю, как праздник. Многие люди ворчат, им не нравится пух, оседающий на модные пиджаки, щекочущий лица. Он влетает в комнаты и льнёт к полировке современных мебельных стенок и телевизоров. Этот пух для многих — надоедливый

Владислав Крапивин. Тополиная рубашка

сор. А я люблю ласковую, тихую метель июньских дней.

...В мае у тополя дружно разбухли острые почки. Потом кожура почек, похожая на жёлтые раздвинутые клювики, сыпалась на двор. Она, клейкая и пахучая, липла к сандалиям, а на ладонях оставляла похожие на веснушки пятнышки. Тополь окутывался прозрачным зелёным облаком. Скоро облако делалось гуще: рядом с молодыми листиками вывешивались длинные серёжки — зелёные стебельки, усыпанные продолговатыми зёрнышками.

В июне зёрнышки лопались. Теперь тополиные серёжки издалека были похожи на цветы черёмухи. И весь тополь делался похожим на громадное черёмуховое дерево. Но пух тополиных семян был, конечно, совсем непохож на мелкие сыпучие лепестки. Он плыл, плыл, плыл...

Воспоминанием об этой тёплой медленной вьюге я и хочу закончить реквием старому тополю.

С этого же воспоминания начну повесть о тополиной рубашке — одну из забывшихся сказок своего детства.

Сказки улицы Нагорной

Стоял июнь сорок восьмого года. Цвели тополя. Цвёл громадный тополь во дворе на улице Герцена, цвели сотни других тополей на разных улицах и в переулках, над откосами длинного лога и над высоким берегом Туры. Эти тополя мне всегда казались детьми и внуками нашего тополя — самого большого. Ветер бесшумно снимал пушинки с ветвей, и миллиарды их плыли всюду: и у самой травы, и вдоль заборов, и над рожими от ржавчины крышами, и высоко в синеве. И весь мой путь от улицы Герцена до Нагорной (что тянется по слободе Затюменке от реки, вдоль западных склонов лога) лежал сквозь тихую, пушистую метель. Тысячи летучих семян трогали меня невесомыми мохнатыми лапками.

Я купался в щекочущей метели и в лучах солнца — тоже ще-